

DOI 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-59-74

УДК 394.3

Ольга Викторовна Старостина

Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0009-0002-8737-0014
E-mail: StarostinaOV73@mail.ru

Игрушка народов Средней Азии и Казахстана в собрании Российского этнографического музея

АННОТАЦИЯ. Игрушка, являющаяся основным атрибутом игры, способствует развитию слухозрительного восприятия ребенка и помогает ему овладеть движениями и навыками. В статье рассматриваются традиционная игрушка народов Среднеазиатско-Казахстанского региона, представленная в собрании Российского этнографического музея, половозрастные особенности ее бытования, а также некоторые игры, характерные для детей различных возрастов. В коллекции музея, насчитывающей более 600 предметов, представлено большинство известных в научной литературе игрушек, а также некоторые уникальные предметы, не описанные в исследованиях. Первые игрушки младенцев — погремушки, изготовленные из тыквы-горлянки, дерева и глины. Трещотки, колотушки и дергунчики приобретали, когда дети начинали уверенно сидеть, затем в игровой практике появлялись каталки для стимулирования у ребенка навыков ходьбы. С двух лет дети вовлекались в игры, моделирующие хозяйственную деятельность того или иного народа с помощью тележек, изображений животных из дерева, камня и глины. Примерно в пять-шесть лет ребенок начинал осваивать пространство за пределами дома и усадьбы, что приводило к изменению характера детских игр — они становились более активными. С этого возраста в играх детей появлялись мячики, альчики, луки, пращи. Большую часть коллекции Российского этнографического музея составляют куклы и кукольное приданое, формирующие у ребенка представления о человеке и социальных отношениях в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: игрушка, воспитание, погремушка, мяч, кукла, моделирование социальных отношений

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Старостина О. В. Игрушка народов Средней Азии и Казахстана в собрании Российского этнографического музея. *Кунсткамера*. 2026. 1 (31): 59–74. DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-59-74

Olga Starostina

Russian Ethnographic Museum
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0002-8737-0014
E-mail: StarostinaOV73@mail.ru

A Toy of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan in the Collection of the Russian Ethnographic Museum

ABSTRACT. A toy, the main attribute of play, aids in the development of a child's auditory and visual perception and helps them master movements and skills. The article examines the traditional toy of the peoples of the Central Asian and Kazakhstan region, presented in the collection of the Russian Ethnographic Museum, the gender and age characteristics of its use, as well as some games typical for children of different ages. The museum's collection, which includes more than 600 items, contains most of the toys known in the scientific literature, as well as some unique items not described in the research. An infant's first toys were rattles made from gourds, wood, and clay. Rattles, clappers, and pull-toys were acquired when children began to sit confidently; later, push- or pull-toys appeared in play to stimulate a child's walking skills. From the age of two, children engaged in games that simulated the economic activities of a particular people, using carts and animal figurines made of wood, stone, and clay. At about the age of five or six, the child began to explore the space outside the home and yard, which led to a change in the nature of children's games — they became more active. From this age, balls, bows, and slings appeared in children's games. Most of the Russian Ethnographic Museum collection consists of dolls and doll dowries, which help the child to form ideas about a people and social relations in society.

KEY WORDS: toy, child-rearing, rattle, ball, doll, modeling social relations

FOR CITATION: Starostina O. A Toy of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan in the Collection of the Russian Ethnographic Museum. *Kunstkamera*. 2026. 1 (31): 59–74. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-59-74

Народная педагогика — сложная многокомпонентная система, складывавшаяся на основе опыта на протяжении многих столетий и развивающаяся по сей день. Ее основной целью является формирование полноценного члена этноса или этнической группы. Достижению столь сложной цели в традиционной культуре способствует решение ряда задач, включая психофизическое развитие ребенка, трудовое воспитание, передачу навыков, необходимых для жизни в определенных условиях, и правил общественной коммуникации, следование нормам обычного права, народного этикета, формирование представлений об окружающем мире. Вектор, определяющий направление развития педагогической системы общества, — принятые тем или иным этносом ценностные установки, которые, в свою очередь, опираются на синтез регионального и конфессионального компонентов. Значительное место в воспитании ребенка и подростка занимает игровая культура.

Игра сопровождает человека на протяжении всей жизни и является неотъемлемой частью культуры. Она развлекает, обучает, выступает частью обряда. С игровой практикой тесно связан и ее основной атрибут — игрушка. Разумеется, не все традиционные игры имеют обязательный инвентарь, некоторые построены исключительно на двигательной активности и речевой практике. Такие игры подразумевают, что ребенок овладел моторными навыками, речью и способен логически и ассоциативно мыслить. Для детей раннего возраста (от первых недель жизни и до пяти-шести лет) подобные игры нехарактерны в силу ментальной и физической сложности. Ребенок с помощью игрушки, выполняющей развлекательную функцию, развивает слухозрительное восприятие, овладевает движениями и навыками. По мере взросления ребенка и овладения им более сложными комбинированными игровыми практиками игрушка использовалась в качестве тренировочного предмета.

Традиционные игры и игрушки представляют собой актуальный и востребованный предмет исследования в рамках изучения этнографии детства. К истории создания и бытования традиционных приемов игровой культуры постоянно обращаются педагоги, культурологи, историки и этнографы. За многие столетия в культуре различных этносов сложилась схожая система воспитания (физического и умственного) детей, в которой значимое место отводилось игрушкам. Они отличались способами изготовления и материалами, которые использовались для их производства. С помощью игр и игрушек ребенок осваивал окружающий мир, познавал социальное деление общества, гендерные модели поведения, основы хозяйственной и обрядовой жизни этноса. Социализация ребенка проходила постепенно, по мере взросления и умственного развития игры усложнялись.

Наиболее изученным игровым атрибутом в этнографических и культурологических изысканиях остается кукла. Различным аспектам ее бытования, изготовления и роли в народной педагогике посвящены статьи и монографии исследователей из разных регионов Евразии. Основополагающей работой, раскрывающей роль куклы в игровой практике, народном театре и обрядах, является статья Ю. М. Лотмана «Куклы в системе культуры» (1992). Философско-антропологический взгляд на этот культурный феномен представлен в монографии И. А. Морозова «Феномен куклы в традиционной и современной культуре» (2011).

Региональные особенности распространения, бытования, изготовления традиционных кукол исследованы Г. Л. Дайн на материалах по русской узелковой и набивной кукле (Дайн Г., Дайн М. 2008). Коллектив Уральского отделения РАН представил работу «Традиционная кукла народов Пермского края» (2013).

Исследованию украинской традиционной куклы и сравнению ее антропологических черт с особенностями передачи лиц кавказских кукол посвятил свое исследование «Парадокс української ляльки» выдающийся этнограф и культуролог О. С. Найден (2007). Сходства оформления кукольного лица в виде перекрещенных цветных нитей можно обнаружить также в традиции Среднеазиатско-Казахстанского региона и Южной Сибири.

Более широкий и целостный взгляд на игровое пространство ребенка и роль игры в формировании традиционного мировоззрения представлен в статье Л. Р. Павлинской (1988), а также в исследовании Е. М. Пещеревой «Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков» (1957), непосредственно касающейся рассматриваемой темы.

Игровая практика, направленная на освоение окружающего пространства, совершенствование навыков и динамики движений, в значительной степени изучена на среднеазиатско-казахстанском материале и представлена многочисленными исследованиями подвижных и интеллектуальных игр, не требующих сопроводительного инвентаря (Диваев 1905; Киргизский национальный спорт и игры 1928).

В предложенной вниманию читателя статье рассматриваются традиционная игрушка народов Средней Азии и Казахстана, представленная в собрании Российского этнографического музея (РЭМ), половозрастные особенности ее бытования, а также некоторые игры, характерные для детей различных возрастов. Коллекция РЭМ ранее не была предметом исследования, и большинство музейных предметов, представленных в статье, публикуются впервые. В собрании музея также имеются обрядовые куклы народов рассматриваемого региона, бытование которых связано с магическими манипуляциями, а также с народной медициной. Обрядовые игрушки использовали только взрослые, детям как сакрально уязвимой возрастной группе брать их и тем более играть с ними категорически запрещалось, так как, согласно традиционным представлениям, на них могли сохраниться болезни, сглаз, порча. Эта группа предметов требует отдельного изучения, не связанного с этнопедагогикой.

Как отмечают исследователи региона, в Средней Азии и Казахстане на протяжении длительной истории взаимодействия народов сложились общие культурные традиции, касающиеся, например, кроя традиционной одежды, обрядов годового и жизненного цикла (Кисляков 1969; Чвырь 1991) и т. п. Множество схожих черт можно обнаружить и в традиции воспитания детей у казахов, каракалпаков, киргизов, таджиков, туркмен, узбеков и уйгуров. Поэтому основные виды игрушек, использовавшихся в игровой практике разными народами, в целом близки по конструктивным и функциональным признакам.

В традиционной культуре для каждого периода взросления ребенка характерны свои виды игрушек. Так, погремушками играли дети в возрасте от двух-трех месяцев до двух-трех лет, затем они постепенно исчезали, но некоторые сохранялись в игровой практике на протяжении всего периода взросления, а иногда и в старших возрастных группах. Нередко куклами играли не только девочки, но и девушки на выданье и даже молодухи в первый год замужества. Затем, после рождения детей, кукол и кукольное приданое, а также мячики передавали по наследству. Среди мальчиков, юношей и мужчин была популярна такая подвижная игра, как выбивание астрагалов (альчиков). Не случайно в коллекции РЭМ сохранилось несколько сотен таких предметов, что свидетельствует о широком бытовании этой игры у народов Средней Азии и Казахстана.

В традиционной культуре как оседлых, так и кочевых народов практиковалось использование одного и того же набора игрушек детьми до пяти лет независимо от пола, что связано с особенностями воспитания и представлениями о гендерных различиях, до определенного возраста не являвшихся доминантным признаком. Как отмечала Е. М. Пещерева, детей с момента рождения до пятилетнего возраста называли «дитя», «ребенок» и почти не делали различий в костюме (Пещерева 1957: 23) Мальчики и девочки практически все время проводили в доме или в пределах усадьбы и играли в общие игры и игрушки.

Первая игрушка ребенка — погремушка (керамическая, деревянная, тыквенная). Она учила сопоставлять звук и его источник, развивала основы координации и, безусловно, была забавой для младенца. Среди развлечений доминировали развивающие и обучающие игры. Поэтому как мальчики, так и девочки играли с погремушками, мячиками, каталками, помогавшими формировать моторно-двигательные навыки, а уже затем в более сложные игры, которые позволяли осваивать социальные нормы. Например, с помощью игры в куклы моделировались и закреплялись

как повседневные нормы общения (прием гостей, «дочки-матери», внутрисемейные отношения), так и более сложные обрядовые практики (ритуалы родильной, свадебной обрядности или годового цикла).

В дальнейшем, с развитием ребенка, сценарии игры усложнялись, акцент делался на развивающе-моделирующие развлечения, суть которых состояла в повторении хозяйственной деятельности взрослых, моделировании социальных отношений (сбор урожая, выпас скота, полный брачный обряд и пр.).

К шести годам игрушки у мальчиков и девочек существенно различались (Пещерева 1957: 24), что было связано с кардинальными изменениями в жизни мальчиков. Они вместе со старшими мужчинами семьи участвовали в хозяйственной жизни, осваивали занятия (скотоводство, земледелие) или ремесла. Времени на игры становилось меньше, большую часть дня ребенок проводил вне дома. Эти изменения затрагивали и развлечения, которыми увлекались мальчики, что нашло отражение в коллекции РЭМ. Большая часть игрушек мальчиков представляет собой наборы альчиков — суставных костей мелкого и крупного рогатого скота, глиняных, каменных или деревянных домашних животных и мячиков. Одной из наиболее популярных среди мальчиков была игра в войну, во время которой осваивались сложные техники боя деревянными саблями, игрушечными палицами, детскими луками для стрельбы стрелами и камнями, пращами и даже деревянными духовыми ружьями (Пещерева 1957: 39).

Девочки вплоть до замужества продолжали играть в куклы, но при этом значительно возрастала сложность игры, увеличивался набор кукольного приданого и персонажей, отражавших этнические, локальные, половозрастные и социальные статусы конкретной этнической культуры.

Коллекция игрушек в среднеазиатско-казахстанском собрании РЭМ уникальна с репрезентативной точки зрения и воплощает не только общие черты игровой культуры региона, но и этнические особенности, характерные для народов и отдельных локальных групп, разнообразие технологических приемов изготовления и декорирования. Предметы коллекции охватывают широкий исторический период — с середины XIX в. до наших дней, демонстрируя историю игр в традиционной культуре казахов, каракалпаков, киргизов, таджиков, туркмен, узбеков и уйгуров.

В собрании РЭМ хранятся 600 экспонатов, относящихся к детской игровой практике, более трети из них являются игровой куклой. Важность игрушки в системе воспитания и ее роль в традиционной культуре исследователи и собиратели отмечали с самого начала формирования этнографических собраний в Российской империи. Не случайно уже в первых коллекциях РЭМ куклы, мячи, игровые колыбели и погремушки были представлены наряду с костюмными комплексами, предметами быта, орудиями труда и другими изделиями, отражавшими особенности традиционной культуры того или иного народа. Довольно широки и географические рамки собрания — от северных районов Казахстана до южной границы Туркмении, от Каспия до Кашгара.

Первым собирателем этнографических коллекций РЭМ, посвященных культуре народов Средней Азии, стал С. М. Дудин. В числе приобретенных им в 1900–1902 гг. предметов представлены игровые кукольные комплексы с приданым туркмен-текинцев (РЭМ. Колл. № 12) и узбеков Самаркандской области (РЭМ. Колл. № 239). Большая часть игрушек собрана сотрудниками во время экспедиционных поездок и частными корреспондентами, работавшими в Средней Азии по поручению музея в первой трети XX в. Например, в 1910 г. К. Ф. Щенников, путешествовавший по Павлодарскому уезду Акмолинской области, приобрел уникальную коллекцию казахских кукол (РЭМ. Колл. № 1766), в которой есть как мужчины, так и женщины различных возрастов. Эти предметы служат источником изучения этнографии детства у казахов, а также базой для исследования традиционного костюма и его половозрастных особенностей.

Четырьмя годами позже, в 1914 г., в состав собрания РЭМ вошли семь мячиков и шестьдесят уйгурских кукол, среди которых куклы-младенцы, мальчики и девочки, юноши и девушки, невесты, молодухи, женщины и мужчины, старухи и вдовы. Кроме того, в костюмах кукол можно выделить не только половозрастные, но и социальные отличия. Коллекцию передал в музей выдающийся

востоковед С. Ф. Ольденбург, который в 1914–1915 гг. руководил археологической экспедицией в Туркестанский край. На протяжении всего XX столетия игрушка как объект собирательской деятельности и ценный источник, позволяющий исследовать духовную и материальную культуру народов Средней Азии и Казахстана находилась в поле зрения ученых, благодаря чему коллекция постепенно пополнялась предметами и расширенными атрибуциями к ним.

Среди собирателей коллекций РЭМ следует выделить Ф. А. Фиельструпа, который в 1927 г. совершил экспедицию к казахам-адаевцам Актюбинской губернии (РЭМ. Колл. № 4532). В результате поездки в собрание музея поступили тринадцать кукол, особенности костюмов которых демонстрируют возрастную стратификацию казахских женщин. Столь же ценной с исследовательской точки зрения является кукольная коллекция Д. Г. Йомудской, собранная в 1929 г. на о. Челикен у туркмен-йомудов (РЭМ. Колл. № 5040). Киргизские традиционные игрушки — мячики и куклы с приданым — привезены сотрудником музея Б. К. Балакиным в 1940 г. из Ошской области (РЭМ. Колл. № 6371).

В 1947 г. коллекция игрушек музея была значительно расширена за счет передачи экспонатов из Музея народов СССР (МН СССР). Наиболее ранние в собрании — куклы, каталки, мячики и погремушки из коллекции генерал-губернатора Туркестана А. П. Кауфмана, приобретенные у таджикского и узбекского населения Сырдарьинской области в 1860-е гг. К сожалению, часть документации при передаче собрания из МН СССР в Государственный музей этнографии была утрачена, и до сих пор не установлены точное место сбора, датировка, а также источник поступления более пятидесяти предметов. Но часть собрания имеет ясную атрибуцию, что позволяет включить большинство предметов в источниковую базу. Так, 11 каракалпакских кукол вошли в собрание МН СССР благодаря выдающемуся археологу, этнографу, историку С. П. Толстову, в 1929–1936 гг. руководившему отделом Средней Азии и организовавшему несколько экспедиций в Хорезмскую область. В 1936 г. сотрудники этого отдела Е. И. Махова и П. Ш. Розенблюм приобрели для МН СССР коллекцию киргизских игрушек, бытовавших в г. Токмаке и его окрестностях. Экспонаты поступали в музей не только благодаря экспедиционным сборам, но и были переданы государственными организациями. В 1927–1928 гг. в Москве прошла Всесоюзная художественная выставка «Искусства народов СССР», представленные на ней этнографические предметы были переданы в МН СССР, в их числе 22 куклы туркмен-гокленов, проживавших в приграничных с Ираном районах в долине р. Сумбар.

В дальнейшем коллекция РЭМ регулярно пополнялась. Наиболее многочисленны коллекции таджикских и памирских игрушек, собранных в 1970-х гг. сотрудниками РЭМ Б. З. Гамбургом и Е. Г. Царевой (РЭМ. Колл. № 8750), а также предметов, собранных выдающимися таджиковедами З. А. Широковой и Н. Н. Ершовым и переданных музеем Правительством Таджикской ССР.

Коллекция РЭМ является одной из наиболее репрезентативных для изучения детских игровых практик и содержит большинство известных этнографической науке видов традиционных игрушек, бытовавших в Среднеазиатско-Казахстанском регионе во второй половине XIX — XX в. Описанные в статье игрушки структурированы по возрастному принципу (в соответствии с возрастом, когда ребенок играл с тем или иным предметом). Такая структура позволяет выделить приемы развития и воспитания ребенка, сложившиеся в традиционном обществе и характерные для разных возрастных групп детей. Как отмечалось, каждый этап взросления ребенка сопровождался выработкой и развитием у него определенных психофизических навыков, необходимых для формирования нормативной социальной модели поведения, навыков хозяйственной деятельности, представлений о традиционной структуре общества, обрядовых и повседневных практиках этноса. Коллекция РЭМ демонстрирует широкий спектр разновозрастных игрушек для развития ребенка — от погремушки, стимулирующей первичные физические навыки, до наборов кукол и кукольного приданого, с помощью которых конструировались обряды жизненного цикла.

Погремушки. В собрании РЭМ представлены погремушки, изготовленные из разных материалов: глины, дерева, тыквы. Одни подвешивались к верхней перекладине колыбели, другие ребенок мог держать в руках. Погремушка играла важную роль в развитии у ребенка координации, формировании связи между зрением, слухом и движением и была первой игрушкой младенца с рождения примерно до двухлетнего возраста.

В коллекции музея представлены семь погремушек, бытовавших преимущественно у оседлых народов региона. Самым доступным материалом для изготовления погремушки были маленькие плоды тыквы-горлянки: их высушивали и давали детям в руку либо подвешивали к перекладине колыбели. Туркмены использовали для развлечения детей связку из тыковок натурального цвета: они создавали шум, ударяясь друг о друга (РЭМ 12-35/1–11). Аналогичные погремушки давали детям сельские жители Ферганской долины, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Городские жители, ремесленники, чиновники, торговцы покупали погремушки на базаре. Такие изделия состояли из одной высушенной тыквы, внутри которой находились маленькие семечки. Погремушку украшали вырезанным орнаментом, окрашенным черной краской и изображавшим птиц (петухов и павлинов), предметы домашнего обихода (чайники, кумганы, самовары), стилизованные эпиграфические надписи на арабском языке и геометрические орнаменты (РЭМ 8761-12721) (рис. 1, см. вклейку). Помимо развлекательно-обучающей функции, которую выполняла погремушка, она создавала сакральный шум, отпугивавший злых духов, согласно представлениям народов Средней Азии и Казахстана (Фахретдинова 1988: 106). Знаковым являлось и изображение петуха, которому приписывали способность, с одной стороны, отгонять ночных демонов, с другой — приносить счастье и богатство. Сосуды могли трактоваться как символы плодородия (Там же: 27). Стилизованные арабские буквы и слова в культурной традиции народов региона имели сакрально-очистительное значение.

Деревянные, точенные на токарном станке погремушки в виде небольшого цилиндра, переходящего в круглую короткую рукоять, также продавали на городских рынках. Внутри цилиндра, окрашенного кольцевыми полосами зеленого, красного, серого цвета, помещали зерна проса (РЭМ 8761-12703).

Глиняные погремушки грушевидной формы с камешками внутри были широко распространены как в городах, так и в сельской местности среди оседлого населения, занимавшегося гончарным промыслом (РЭМ 11154-129, РЭМ 12320-13/1, 2). Такие игрушки могли быть ручными или подвешивались к перекладине колыбели. Некоторые глиняные погремушки делали парными, связывая их веревочкой.

В собрании РЭМ хранится погремушка-мячик (РЭМ 8762-21288), бытовавшая у узбеков г. Маргилана в начале XX в. Этот предмет не имеет аналогов в коллекциях других музеев и не описан в научной литературе. Он представляет собой шар-основу, возможно, изготовленную из тыквы-горлянки, внутри которой — шуршащие зернышки. Основа плотно обмотана хлопчатобумажными нитями и сверху оплетена сеткой с мелкими ячейками оранжевого, синего и красного цветов. К мячику приделаны четыре оранжевые кисточки. Являлся ли этот предмет типичным для данного района Ферганской долины или же мяч-погремушка — единичная авторская игрушка, установить пока не удалось.

У таджиков и узбеков, помимо погремушек, к перекладине колыбели подвешивали и другие предметы, которые выполняли развлекательную функцию. Наиболее часто встречались связки из ярких цветных бусин. Такие игрушки можно встретить и на кукольных колыбелях, например, на памирской игровой кровати 1970-х гг. из собрания РЭМ закреплена веревка с нанизанными крупными красными бусинами (РЭМ 8750-355). А. Л. Троицкая, один из крупнейших исследователей этнографии детства у оседлых народов Средней Азии, отмечала, что у изголовья колыбели на перекладину подвешивали не только погремушки и связки бусин, но и колокольчики, которые развлекали ребенка, когда он просыпался (Троицкая 1935: 125).

На некоторых колыбелях, использовавшихся оседлыми народами региона, можно обнаружить подвижные несъемные деревянные колечки, выточенные вместе с переладиной. Аналогичные колечки присутствуют и на кукольных кроватках (РЭМ 8762-21286). Вероятно, эти гремящие колечки также выполняли функцию погремушки для развлечения младенца.

Когда ребенок уже мог сидеть и координировать движения рук, родители приобретали более сложные игрушки — **трещотки и колотушки**, которые требовали приложения большей силы и уверенности движений для извлечения звука. Наиболее простые с конструктивной точки зрения — предметы в виде толстой палочки с надетой на нее небольшой деревянной пластинкой (РЭМ 7379-98), которая издавала щелканье при размахивании палочкой. Некоторые колотушки представляли собой более сложные и ярко орнаментированные предметы. Например, бухарская колотушка состояла из маленького двустороннего кожаного бубна с длинной точеной ручкой, вставленной в отверстие обруча бубна (РЭМ 7895-42). К обручу прикреплена нитка с деревянной палочкой, служащей колотушкой. На коже бубна с обеих сторон мастер нарисовал крупные яркие цветочные побеги. Игрушка действует по принципу сторожевой колотушки. По сведениям собирателя Б. З. Гамбурга, она изготовлена цыганами группы люли или джуги. В коллекции Гамбурга также представлена деревянная детская трещотка (РЭМ 7895-41), состоящая из вытянутой деревянной прямоугольной коробочки с отверстием на одном конце, в которое вставлена деревянная шестеренка с ручкой. При вращении ручки шестеренка, соприкасаясь со стенками коробочки, издает громкий стрекочущий звук. Поверхность игрушки окрашена разноцветными кружками. По сведениям Е. М. Пещеревой (1957), такой тип трещотки был известен и в Горном Таджикистане.

Следует отметить, что в коллекции РЭМ отсутствуют погремушки, бытовавшие у каракалпаков, казахов и киргизов. Мы не обнаружили и упоминаний о них в научно-исследовательской литературе. Возможно, роль погремушек у данных народов играли традиционные обереги, которые прикрепляли к колыбели, такие как лапы хищных птиц, кости барана, волка, медведя.

У узбеков Хивинского оазиса в конце XIX — первой трети XX в. бытовали **игрушки-дергунчики** с подвижными деталями. Одна из них представлена в коллекции музея (РЭМ 8761-12843) и состоит из двух скрепленных деревянных пластин, вырезанных в форме совы. Между пластинами подвижно закреплены крылья, которые поднимаются вверх при натягивании тесемки, спускающейся от крыльев к лапам птицы. На передней пластине изображены глаза, клюв и перья совы. Игрушки с подвижными частями встречаются также у узбеков и таджиков Ферганской долины, Бухарского оазиса, в горных районах Таджикистана, но имеют более сложную конструкцию и типологически относятся к куклам, которые описаны далее.

Следующий вид игрушек, представленный в коллекции РЭМ и бытовавший у оседлого населения Средней Азии, — **каталка для стимулирования** у ребенка **навыка ходьбы** (РЭМ 8761-12702). Она представляет собой два цилиндрических барабанчика, состоящих из деревянных стерженьков, на которые надеты по два колечка, соединенных пятью палочками. Стерженьки вставлены в треугольную пластину, на концах которой прикреплены круглые колесики. В середине переладины вставлена деревянная ручка. Игрушка выкрашена зеленой, желтой и красной красками. Когда ребенок с помощью ручки толкает перед собой каталку, движение колес придает вращение барабанчикам, которые издадут стрекочущий звук.

Таджикские и узбекские дети двух-семи лет (преимущественно мальчики) широко использовали **тележки-каталки**, имитировавшие арбы (РЭМ 6772-126) (рис. 2, см. вклейку), повозки, телеги в играх, связанных с подражанием сельскохозяйственной или торговой деятельности взрослых. Они знакомили ребенка с такими занятиями и вырабатывали у него необходимые для жизни навыки ведения хозяйства. В коллекцию РЭМ входят четыре подобных предмета со схожей конструкцией. Один из них — деревянная игрушка в виде тележки на трех колесах. Кузов тележки прямоугольный, низкий, на его задней стенке подвижно укреплены два молоточка. В ось, соединяющую задние колеса, вставлены тонкие планки, при движении тележки планки касаются моло-

точков, которые стучат о дно кузова, поднимаясь и опускаясь. Тележка окрашена в бледно-фиолетовый цвет (РЭМ 8761-12706).

Значительную роль в формировании у ребенка навыков, связанных с занятием земледелием и скотоводством, играли **изображения животных**. В собрании музея таких предметов всего три. Они выполнены кулябской мастерицей в 1975 г. и изображают горного козла (РЭМ 8520-123), собаку (РЭМ 8520-124) и корову (РЭМ 8520-125). Горный козел — промысловое животное, основной вид, разводимый горными таджиками и играющий ведущую роль в их жизнеобеспечении. Игрушки-животные, способы их изготовления и особенности игровой практики были подробно изучены Е. М. Пещеревой (1957). Исследовательница указывает, что иногда животные из глины и дерева могли заменяться камнями разных размеров, воплощавшими в детской фантазии овец, лошадей, коров, ослов и т. п. В этой связи вероятным кажется допущение, что у кочевников в играх, связанных с уходом за скотом, барантой, выпасом животных, мальчики использовали природные объекты, такие как камни, палочки, плоды растений и т. п. В собраниях музеев не встречаются свидетельства бытования изображений животных в игровой практике кочевников, хотя А. А. Диваев отмечал, что дети «степняков... сами себе мастерят игрушку из глины в виде верблюда или лошади» (Диваев 1905: 33–34).

В коллекции РЭМ хранится довольно редкая для музейных собраний уйгурская игрушка, представляющая собой деревянный точеный стаканчик с привязанным к нему шариком (РЭМ 5275-24). Детская игра «Поймай шарик», развивающая ловкость, была широко известна среди народов Евразии. Бытовала она и в традиционной культуре уйгуров. Суть игры заключалась в том, что ребенок должен был одной рукой (сначала правой, затем левой) забросить небольшой шарик в стаканчик. По мере совершенствования умения веревку удлиняли и забросить шарик становилось все труднее.

Примерно в пять-шесть лет ребенок начинал осваивать пространство за пределами дома и усадьбы, что вело к изменению характера детских игр. Они становились более активными и массовыми (ровесники собирались в группы по пять-десять человек). Расширение пространства игры позволяло развивать, с одной стороны, более сложные навыки, такие как глазомер, равновесие, ловкость, скорость движения и принятия решения (прятки, бой подушками, стрельба по целям, бросание предметов на точность и т. д.), с другой — воображение и абстрактное мышление благодаря тому, что игры не требовали сопроводительного инвентаря и были построены на моделировании трудовой деятельности, общественных отношений, социальных явлений и событий (охота, военные походы, свадебный поезд и т. п.).

Наиболее популярные уличные игры среди мальчиков и девочек — игры с **мячом** и в битки. В коллекции музея хранятся десять мячиков небольшого размера (до 8 см в диаметре), бытовавших у киргизов, таджиков, узбеков и уйгуров. Они легко помещаются в детскую руку. Выполнены двумя способами — в технике валяния (РЭМ 8762-23194) (рис. 3, см. вклейку) и с помощью обкручивания нитями основы (например, РЭМ 5275-18). Последние — наиболее яркие, их основа изготавливается из ваты или хлопчатобумажной пряжи, которая затем плотно обметывается разноцветными нитками, создавая рисунок из секторов. На некоторых экземплярах встречаются небольшие цветные кисточки. Игра в мяч могла быть как индивидуальной (подбрасывание, перебрасывание через препятствия, удары о стенку), так и групповой, например «выбивала» (Наливкин, Наливкина 1886: 184). Помимо выполнения развлекательной функции, такие игры развивали ловкость, глазомер и координацию движения.

Битки, альчики, астрагалы — наиболее известная игра не только в Средней Азии, но и на всем Евразийском континенте. Ее популярность и широкое распространение демонстрирует собрание РЭМ, в котором представлены 12 наборов для игры, включающих от 3 до 75 альчиков. Среди предметов — небольшие коленные косточки барана или козы, некоторые окрашены красной, реже зеленой или синей краской. Для утяжеления биты, применявшейся для разбивания городка или выбивания других битков из очерченного поля игры (Киргизский

национальный... 1928: 15–18), могли использовать свинец, который заливали в полости косточки, или обматывать ее проволокой (РЭМ 10176-167/1–19). В некоторых наборах ударный биток представляет собой коленную кость коровы. Сами по себе косточки являлись не только спортивным инвентарем, но и материальной ценностью — детскими деньгами, которые проигравший отдавал победителю. Самый ловкий и успешный игрок таким образом накапливал капитал и приобретал уважение сверстников и старших.

Необычной конструкцией выделяется уйгурский биток (возможно, волан). Вероятно, игроки подбрасывали его, стремясь остаться в игровом поле и не выйти за рамки, или перебрасывали друг другу. Он состоит из пучка фазаньих перьев, который воткнут в отверстия сложенных вместе четырех китайских монет (две нижние одного размера, третья — поменьше, верхняя — самая малая). Монеты скреплены крестообразно двумя ремешками красной кожи, концы которых, пройдя снизу сквозь отверстия в монетах и продольные прорезы в ремешках посередине, вытянуты вдоль ножки пучка и вместе с ней обмотаны голубой ниткой (РЭМ 5275-22).

Особую группу игрушек составляют предметы, имитирующие оружие или являющиеся им, но имеющие небольшой (детский) размер. В коллекции музея представлены два вида подобных игрушек — лук и праща, хотя в традиционной культуре народов региона бытовали деревянные ножи, мечи, копья (Пещерева 1957: 38). Лук, который использовали только мальчики, выполнял как игровую функцию во время уличных сражений, так и тренировочно-соревновательную. В период празднования Навруза или свадебных торжеств таджики и узбеки нередко устраивали соревнования по стрельбе среди мальчиков. Лук представлял собой слегка согнутую на концах деревянную палку, к которой привязывали кожаную или веревочную тетиву (РЭМ 22-64). У туркмен мальчики-подростки использовали лук с двойной тетивой, посередине которой прикреплялась небольшая кожаная пластинка для глиняных пуль (РЭМ 7669-6/1–12), для стрельбы по мелким птицам, разоряющим посевы, то есть он был не только игрушкой, но и охотничьим снаряжением.

Казахская детская праща (РЭМ 8761-13257) также использовалась для стрельбы по птицам и представляла собой длинную палочку с раздвоенным концом, к которому прикрепляли кусок войлока для запуска пуль (Карутц 1911: 87).

В Таджикистане некоторые развлекательные игры мальчиков и юношей во многом повторяли обрядовые игры, приуроченные к ритуалам годового и жизненного циклов. Самым масштабным и зрелищным среди традиционных игр было козлодрание, в котором принимали участие от 15 до 100 человек. Игры устраивались по значительным поводам, таким как свадьба, рождение первенца мужского пола и Новый год — Навруз. Две команды конных игроков пытались завладеть тушей горного козла (кика) и довести ее до площадки, где заседали старейшины. Шуточное козлодрание — любимая имитационная игра таджикских мальчиков в летнее время года. Коней для ребят вырезали из дерева старшие мужчины — братья, отцы и деды. Игрушка представляла собой палку с насаженной на нее конской головой, которая делалась довольно реалистичной: на ней рисовали глаза, рот и зубы, вставляли кожаные уши. Вместо плетей дети использовали веревки, тушу козла заменял мешок с опилками. Во время этой игры будущие мужчины учились различным маневрам, с помощью которых можно обойти, обогнать и обыграть соперников. Игрушка-лошадка редко встречается в музейных собраниях, один экземпляр находится в РЭМ (РЭМ 7379-102).

Более половины экспонатов музея, связанных с этнографией детства, представлено куклами и кукольным приданым. Кукольный мир, на наш взгляд, является сложной формой игровой практики, так как позволяет воссоздать практически все возможные ситуации из жизни того или иного народа. Не случайно игра с куклами практикуется как среди девочек, так и среди мальчиков, не достигших пятилетнего возраста. Общеизвестно, что до пяти лет у ребенка формируются базовые стереотипы поведения и представления о жизни окружающего социума, которые усложняются по мере взросления. Описывая игру в куклы, Пещерева отмечала, что «дети всегда встречают со стороны взрослых не только снисходительное, но и сочувственное отношение к своим играм. Нередко можно увидеть, как взрослые следят за играющими детьми, направляя их игру» (1957: 24). Ее важ-

ность для развития ребенка осознавалась старшим поколением, преимущественно бабушками и мамами, занимавшимися присмотром за детьми. В дальнейшем мальчики больше времени проводили на улице или со своими отцами, которые постепенно передавали им знания о том или ином роде хозяйственной деятельности, необходимой для жизнеобеспечения семьи.

Первую куклу для ребенка всегда делали взрослые. Для трех-четырёхлетних девочек мамы и бабушки изготавливали куклы простых конструкций — на одной палочке, обмотанной цветными лоскутами, символически имитировавшими одежду и головной убор. Затем, примерно с трех-четырёх лет, ребенок учился изготавливать ее самостоятельно, развивая мелкую моторику, которая стимулирует развитие мышления и воображения. Все куклы, независимо от половозрастных характеристик, точно воспроизводят пропорции человека. Так, для кукол-младенцев характерно соотношение головы к телу 1:3, для кукол — мальчиков и девочек шести-семи лет — 1:5, для кукол-взрослых — 1:8, что соответствует анатомическим пропорциям человека. Таким образом, у ребенка складывается представление о внешнем строении человека.

Несмотря на значительные культурно-исторические различия между народами региона, в Средней Азии и Казахстане сложились две общие конструкции игровой куклы одна представляла собой куклу на палочке (или щепке), другая, наиболее распространенная, в основе имела прямую крестовину из палочек. Конструкция куклы, бытовавшая в той или иной семье, обуславливалась прежде всего возрастом ребенка, который в нее играл.

«Дочки-матери» — первая игра с куклами. Она обучает приемам ухода за младенцами, которые должны освоить как мальчики, так и девочки. В традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана старшие дети (после пяти лет) берут на себя часть забот о своих младших братьях и сестрах, позволяя родителям больше времени уделять хозяйственным обязанностям.

Куклы-младенцы представлены в коллекции РЭМ пятью предметами, наиболее характерная из них шугнанская кукла (РЭМ 8750-358) (рис. 4, см. вклейку). В ее основе — деревянная щепка, к верхней части которой прикреплена округлая голова из хлопчатобумажной белой ткани с набивкой мягким материалом (вата?), составляющая примерно треть всей куклы. Голова примотана к щепке белыми шерстяными нитками. Лицо сформировано путем крестообразного наматывания шерстяными нитками белого, оранжевого и зеленого цветов и состоит из шести ромбов, вписанных один в другой. Костюм несъемный, условный, состоит из треугольного шерстяного платка малинового цвета и рубахи — бело-зеленого куска шерстяной ткани, плотно примотанных к щепке белой веревкой.

Помимо младенца, в игровой комплекс «дочки-матери» оседлого населения Средней Азии (памирских народов, таджиков, узбеков и уйгуров) входят игрушечные колыбели, повторяющие форму детской, но выполненной в более примитивной манере (РЭМ 8750-356, РЭМ 239-76 (рис. 5, см. вклейку); РЭМ 16-149). Их родители изготавливали из дерева, иногда покупали у мастеров-деревообделочников. Такие предметы, представленные, например, в коллекции по горным таджикам (РЭМ 8024-11,112), украшали резьбой и росписью, повторявшей оригинал. Характерная особенность игрушечных колыбелек — отсутствие отверстия для горшка. Среди них выделяется узбекская игрушечная подвесная люлька (РЭМ 8762-21285), представляющая собой небольшой прямоугольный кусок мешковины, к углам которого пришиты четыре веревки, а свободные концы привязаны к палке. Такая конструкция характерна для люлек, использовавшихся узбеками и таджиками вне дома: их подвешивали к деревьям во время полевых работ или отдыха на природе. Помимо колыбелей, в коллекции представлены кукольные матрасики, подушечки, одеяльца, ленты для фиксирования куклы в кроватке, причем относящиеся к игровой практике не только оседлых народов, но и кочевников (казахов, каракалпаков, киргизов).

Для изготовления такого рода игрушек брали вышедшие из употребления текстильные материалы и предметы одежды. Для шитья кукол, кукольной одежды, игрушечных постельных принадлежностей и предметов интерьера наряду с лоскутами ткани, оставшимися от раскроя одежды, использовали женские платки, фрагменты вышивок, платьев, штанов и ювелирных украшений.

Повторное применение материалов в данном случае объясняется тем, что облик куклы воспроизводил, иногда условно, локальные особенности традиционного костюма, его половозрастные и социальные характеристики. И хотя на материалы, из которых делались куклы, не существовало запретов, к самим игрушкам в традиционной культуре относились осмотрительно. Они — одни из немногих предметов — имели определенное место в доме и сопровождали женщину на протяжении всей жизни: после переезда в дом мужа новобрачная забирала куклы с собой и в дальнейшем передавала их старшей дочери (Пещерева 1976: 46).

По мере взросления ребенка, когда он овладевал навыками изготовления игрушки, ее конструкция усложнялась, основа дополнялась крестовиной из прутьев или палочек, на нее крепили голову, сшитую из белой ткани и набитую ватой; лицо обматывали цветными нитками или же вышивали глаза, нос, рот и щеки (Кукла... 2022: 135). Таджикские и узбекские девушки изготавливали также куклу-плясунью, крестовая конструкция которой усложнена подвижными элементами — руками, приводившимися в движение с помощью веревочек (РЭМ 13411-23).

У кочевых народов, помимо крестовой конструкции, была распространена кукла-скрутка, представлявшая собой плотно скатанный валик ткани или бумаги, иногда намотанный на пруттик, на который надевали одежду из небольших кусков ткани. В качестве примера такой конструкции можно привести казахские куклы (РЭМ 4532-45-48), процесс изготовления которых описал исследователь казахской культуры начала XX в. А. А. Диваев: «На пруттик наворачивают белую тряпицу, выводят глаза, нос и рот. Затем одевают в разные платья» (1905: 35).

У всех народов региона выбор конструкции и сложность исполнения куклы зависели от персонажа, которого она изображала. Наиболее примитивными делали младенцев — в виде палочки с прикрепленной к голове, обмотанной светлой тканью. Куклы — мальчики и девочки (РЭМ 5275-81, 82) имели крестовую конструкцию и несложную одежду, соответствующую определенным половозрастным характеристикам. Одежда и головной убор для кукол — невест и женихов предельно детализирована, так как должна соответствовать свадебному костюму того или иного народа (например, кукла-невеста таджиков Куляба — РЭМ 5746-17). Прически делали из нитей или конского волоса, на одежду прикрепляли украшения, имитировавшие настоящие, а иногда составленные из элементов вышедших из употребления подвесок, серег, косников и т. п. Столь же тщательно изготавливались куклы, изображавшие молодых женщин и мужчин.

В отличие от оседлых народов, в играх с куклами у казахов и киргизов было характерно использование таких персонажей, как родители жениха, старики, то есть представителей старших возрастных групп.

Каждая девочка обычно имела три-четыре куклы. По мере ее взросления и овладения социальными навыками и обрядами увеличивалось количество кукол и ширилось разнообразие персонажей. В некоторых случаях в них играли и после замужества, вплоть до рождения ребенка, перевоза кукол и их приданое в дом мужа.

В детской игровой практике куклы-мужчины были распространены гораздо меньше, что связано с распределением гендерных ролей в традиционной обрядовой и повседневной жизни, воспроизводимой детьми. В коллекции РЭМ представлены несколько мужских персонажей: казахский юноша (РЭМ 1766-25), уйгурские парни (РЭМ 5275-46/1, 2) и таджикский мужчина (РЭМ 8171-51).

Следует отметить также различия в бытовании игровой куклы среди городского и сельского населения. Так, в семьях мусульманского духовенства, чиновников и зажиточных горожан в силу влияния исламских норм и запрета на изображение человека куклы не одобрялись, запрещалась детализация лица. Это проявлялось в примитивизации кукольного образа, который был условным, без детальных проработок фигуры, лица и костюма, и меньших размерах, по сравнению с куклами, распространенными среди сельского населения.

Согласно традиционным представлениям народов Средней Азии и Казахстана, кукле не давали собственного имени. Для мужских образов использовали общие названия «женишок», «князь»,

«мужчина», «муж» на национальных языках, для женских персонажей — конструкцию, состоящую из слова «кукла» и обозначения ее половозрастного статуса.

Помимо схожих конструкций кукол, бытовавших в регионе во второй половине XIX — первой трети XX в., в коллекции РЭМ представлены предметы, относящиеся к культуре различных этносов — казахов, каракалпаков, киргизов, памирцев, таджиков, узбеков и уйгуров. Несмотря на общность конструкции, этнические, а иногда и локальные особенности игрушки выражаются в ее костюме, характерном для того или иного народа. Например, кукла, изображающая молодую самаркандскую женщину, таджичку или узбечку, имеет каркасную основу, состоящую из крестовины из веток, закрепленной полосой хлопчатобумажной ткани в верхней трети основы (обмотка крестообразная). К верхней части прикреплен уплощенный голова на жесткой основе, обшитая хлопчатобумажной тканью. Лицо куклы обозначено с помощью вышивки шелковыми нитями, которые формируют черты лица: черные штрихи имитируют глаза и брови, малиновые прямоугольники — нос, рот, подбородок и щеки. На голове закреплены длинные шелковые шнуры, на концы которых нанизаны металлические «куполки», ажурные шарики, бисер, зеленые и белые бусины, имитирующие традиционную прическу — косы с наклонными украшениями. Костюм куклы детализированный, неполный. Предметы одежды кроенные, шитые, съемные. Швы выполнены ручным способом. Рубаха длинная, широкая, из хлопчатобумажной ткани туникообразного кроя, значительно превышает размер крестовины, с вшивными рукавами и вертикальным разрезом ворота. К горловине рубахи пришит воротник-стойка из красной хлопчатобумажной ткани, завязанный двумя тесемками (интересная деталь, характерная для платьев последнего десятилетия XIX в., когда в городскую моду вошли воротники подобной конструкции). К подолу платья пришиты широкая красная кайма и желтая оборка, собранная в мелкую складку. Головной убор представляет собой длинную полосу из шелковой ткани сиреневого цвета, которая обернута вокруг головы в виде высокой чалмы, свободные концы головного убора спускаются на грудь и спину (РЭМ 239-84).

Кроме костюма, надетого на куклу, в комплекс входят дополнительные элементы одежды — три нарядных платья из белой кисеи, малинового шелка с абровым орнаментом и малиновое хлопчатобумажное, шелковый камзол и паранджа (РЭМ 239-82/1–3, РЭМ 239-80, РЭМ 239-81). В составе комплекта — кукольное приданое, состоящее из матрасиков-курпачи, подушек овальной и квадратной формы, одеял, небольших фрагментов вышивок (от платков и сюзани), вероятно, служивших настенной вышивкой, скатертей и других предметов интерьера. Всего игровой комплекс состоит из 29 предметов, включая двух кукол-девочек.

Общая численность коллекции — 216 кукол, самые ранние из которых датированы серединой XIX в., а наиболее поздние относятся к первой четверти XXI в. Обширность коллекции не позволяет подробно описать все предметы в рамках этого исследования, но следует отметить, что большинство кукол имеют сложный многочастный костюм, отражающий основные черты традиционной одежды вышеупомянутых народов региона.

В народной кукле нашли отражение не только этнический и половозрастной статус, но и обрядовый. Так, киргизская кукла-невеста имеет характерный высокий головной убор, платье с красными оборками на рукавах и подоле и бархатный жилет, свойственные свадебному костюму 1930-х гг. (РЭМ 6371-182). Уйгурская кукла, представляющая образ вдовы, одета в синее хлопчатобумажное траурное платье, бытовавшее в культуре уйгуров и узбеков в качестве вдовьего маркера (РЭМ 5275-53) (рис. 6, см. вклейку).

Таким образом, игра в куклы формировала у детей целый ряд важнейших социальных навыков, таких как уход за ребенком, изготовление нормативной модели костюма, его правильное ношение, определение черт одежды, характерных для различных половозрастных и обрядовых статусов. Кукольное приданое, состоящее из предметов интерьера, утвари, средств передвижения и т. п., позволяло значительно расширить игру — не просто одевать, укладывать спать или кормить куклу, а осваивать самый сложный обрядовый комплекс жизненного цикла традиционной

культуры. «Они (куклы) выходят замуж, рожают и умирают. На куклиных свадьбах поют песни и пляшут, а на похоронах воют», — описывали в конце XIX в. детские игры Ферганской долины исследователи и путешественники супруги Наливкины (1886: 289). Игровое воспроизведение обрядовых циклов начиналось с освоения отдельных ритуалов, например девичника с праздничным застольем, когда необходимо было украсить комнату, рассадить гостей-кукол на курпачи и подушки, накрыть на стол и подать соответствующие обряду блюда. Для имитации игровой ситуации в ход шли игрушечные посуда (РЭМ 8761-12685/1–6) и музыкальные инструменты — дудочки, бубны, трещотки, свистульки (РЭМ 7840-78–83). Постепенно, взрослея, девочки осваивали и осмысливали родильные, свадебные и похоронные обряды, а также нормы общения в повседневной жизни. Такие игры происходили не только среди девочек-родственниц. Зимой большую часть времени дети и девушки проводили дома, где нередко собирались большие компании (по десять человек). Каждая приносила с собой несколько кукол с приданым, и под руководством старших женщин девочки и девушки разыгрывали сложные многокомпонентные обряды. Например, туркменские девочки собирали свадебный поезд для переезда невесты в дом родителей мужа, для чего использовалась модель свадебной палатки — уменьшенная копия приспособления для перевозки невесты на верблюде. Конструкция состоит из 12 деревянных струганых палочек, прямоугольных в сечении, собранных в куб и соединенных ленточками из хлопчатобумажной ткани. С двух смежных сторон из ленточек красного цвета сделаны перекрестья. На верхние углы палатки привязаны цветные хлопчатобумажные лоскутки. На палатку набрасывают белое квадратное покрывало, на внешнюю сторону которого нашиты небольшие разноцветные лоскутки (РЭМ 5040-66).

Практически все детские игрушки, помимо того что выполняли развлекательную функцию, развивали у ребенка двигательные и умственные способности. Коллекция среднеазиатско-казахстанского собрания РЭМ уникальна с репрезентативной точки зрения и отражает не только общие черты игровой культуры региона, но и этнические особенности, характерные для народов и локальных групп, разнообразие технологических приемов изготовления и декорирования. В коллекции РЭМ представлено большинство известных видов игрушек, которые можно систематизировать по возрастному принципу, выявив навыки, формируемые у детей с помощью игровой практики в различных возрастных группах. У таджиков, туркмен и узбеков младенцы играли с погремушками, развивавшими навыки соотношения двигательных, слуховых и зрительных связей. В коллекции РЭМ отсутствуют казахские, киргизские и каракалпакские погремушки, мы пока не обнаружили упоминаний о них в научной литературе и музейных каталогах. Возможно, в кочевых культурах региона не изготавливали погремушек, использование которых ограничивалось годомерством, а их функцию выполняли гремящие подвески-обереги к колыбели.

Важную роль в стимулировании навыка ходьбы, помимо детских ходунков, известных у всех народов Среднеазиатско-Казахстанского региона, играли яркие жужжащие каталки, бытовавшие у таджиков и узбеков.

Развитие двигательных функций шло параллельно с изучением и отработкой навыков, связанных с хозяйственной деятельностью — занятиями земледелием, скотоводством, торговлей. Изображения животных, тележки в виде арбы, повозки или телеги являлись народным дидактическим материалом, позволявшим сформировать у ребенка первичные представления о жизни общества.

Мячики и битки, игрушки для детей более старшего возраста развивали ловкость, глазомер и координацию движения. Детское оружие, которым играли мальчики, было полифункциональным предметом — оно не только тренировало ловкость, умение владеть луком, мечом или копьем (качества, необходимые для будущего мужчины, защитника, воина, охотника), но и применялось в состязаниях, связанных обрядами годового и жизненного циклов.

Игра в куклы формировала у ребенка представления о строении человека, этнической, половой, возрастной, социальной стратификации традиционного общества, позволяла моделировать

и закреплять как повседневные нормы общения (прием гостей, «дочки-матери», внутрисемейные отношения), так и более сложные обрядовые практики (ритуалы родильной, свадебной обрядности или годового цикла). Обращает на себя внимание детальность проработки образа кукол, отражавших у всех народов этнические, половозрастные, статусные особенности, что сближает этот игровой атрибут с куклами других регионов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МН СССР — Музей народов СССР
РЭМ — Российский этнографический музей

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Дайн Г. Л., Дайн М. Б.* Русская тряпичная кукла: культура, традиции, технология. М.: Культура и традиции, 2008. 119 с.
- Диваев А. А.* Игры киргизских детей // Туркестанские ведомости. 1905. № 152. С. 33–36.
- Карутиц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке: [Этногр. очерки] / ред. Е. Петри. СПб.: А. Ф. Девриен, 1911. 189 с.
- Киргизский национальный спорт и игры / под. ред. А. П. Рождественского. Фрунзе: Киробком ВЛКСМ, 1928. 33 с.
- Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 240 с.
- Кукла в народной традиции. Игра. Обряд. Коллекция / авт.-сост. Е. Колчина. М.: Бослен, 2022. 176 с.
- Лотман Ю. М.* Куклы в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 377–380.
- Морозов И. А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре: кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. Москва: Индрик, 2011. 352 с.
- Найден О. С.* Парадокс української ляльки. Українська народна лялька у світлі кросскультурних паралелей та аналогій. Обрядові функції. Конструктивний дизайн. Киев: Стилос, 2016. 208 с.
- Наливкин В. П., Наливкина М. В.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1886. 245 с.
- Нурджанов Н. Х.* Развлечения и народный театр таджиков Каратегина и Дарваза // Искусство таджикского народа. Душанбе: Дониш, 1965. Вып. 3. С. 113–152.
- Павлинская Л. Р.* Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: сб. ст. / [отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами]. Л.: Наука, 1988. С. 222–251.
- Пещерева Е. М.* Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924–1935 гг.) // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. М.; Л., 1957. С. 22–94. (Сборник МАЭ; т. 17).
- Пещерева Е. М.* Ягнобские этнографические материалы. Душанбе: Дониш, 1976. 99 с.
- Традиционная кукла народов Пермского края / науч. ред. А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2013. 128 с.
- Трошцкая А. Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана (По материалам Среднеазиатской экспедиции Академии наук СССР в 1926–1927 гг.) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 109–135.
- Фахретдинова Д. А.* Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1988. 204 с.
- Чвырь Л. А.* Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. Очерки историко-культурных связей. М.: Наука, 1991. 302 с.

REFERENCES

- Chvyr' L. A. *Uygury Vostochnogo Turkestana i sosednie narody v kontse XIX — nachale XX v. Ocherki istoriko-kul'turnykh svyazey* [Uyghurs of East Turkestan and neighboring peoples in the late 19th – early 20th centuries. Essays on historical and cultural relations]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 302 p. (In Russian).
- Dayn G. L. *Russkaya tryapichnaya kukla: kul'tura, traditsii, tekhnologiya* [Russian rag doll: culture, traditions, technology]. Moscow: Kul'tura i traditsii Publ., 2008, 119 p. (In Russian).
- Fakhretdinova D. A. *Yuvelirnoe iskusstvo Uzbekistana* [Jewelry art of Uzbekistan]. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva Publ., 1988, 204 p. (In Russian).
- Kirgizskiy natsional'nyy sport i igry* [Kyrgyz national sports and games]. Frunze: Kirobkom VLKSM Publ., 1928, 33 p. (In Russian).
- Kislyakov N. A. *Ocherki po istorii sem'i i braka u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Essays on the history of family and marriage among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Leningrad: Nauka Publ., 1969, 238 p. (In Russian).
- Kukla v narodnoy traditsii. Igra. Obryad. Kolleksiya* [Doll in Folk Tradition. Game. Ritual. Collection]. Moscow: Boslen Publ., 2022, 175 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. [Dolls in the cultural system]. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Selected articles: in 3 volumes.]. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992, vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typology of culture], pp. 377–380. (In Russian).
- Morozov I. A. *Fenomen kukly v traditsionnoy i sovremennoy kul'ture: krosskul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma* [The phenomenon of the doll in traditional and modern culture: a cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism]. Moscow: Indrik Publ., 2011, 351 p. (In Russian).
- Nayden A. S. *Paradoks ukrayins'koy lyal'ky. Ukrayins'ka narodna lyal'ka u svitli krosskul'turnykh paraleley ta analogiy. Obryadovi funktsiyi. Konstruktyvnyy dyzayn* [The paradox of the Ukrainian doll. Ukrainian folk lyalka has many cross-cultural parallels and analogies. Ritual functions. Structural design]. Kyiv: Stilos Publ., 2016, 208 p. (In Ukrainian).
- Nurdzhanov N. Kh. [Entertainment and folk theater of Tajiks Karategin and Darvaz]. *Iskusstvo tadzhikskogo naroda* [Art of the Tajik people]. Dushanbe: Donish Publ., 1965, pp. 113–152. (In Russian).
- Pavlinkaya L. R. [The toy and the child's peace in the traditional cultures of Siberia]. *Traditsionnoe vospitanie u narodov Sibiri* [Traditional upbringing of children among the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka Publ., 1988, pp. 222–251. (In Russian).
- Peshchereva E. M. [Toys and children's games among Tajiks and Uzbeks (based on materials from 1924–1935)]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii: nauchnyye stat'i* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography: scientific articles], 1957, vol. 17, pp. 22–94. (In Russian).
- Peshchereva E. M. *Yagnobskie etnograficheskie materialy* [Yagnobi ethnographic materials]. Dushanbe: Donish Publ., 1976, 99 p. (In Russian).
- Traditsionnaya kukla narodov Permskogo kraya* [Traditional doll of the peoples of the Perm region]. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2013, 128 p. (In Russian).
- Troitskaya A. L. [The birth and first years of a child's life among the Tajiks of the Zeravshan Valley (Based on materials from the Central Asian Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1926–1927)]. *Sovetskaya Etnografya*, 1935, no. 6, pp. 109–135. (In Russian).

Submitted: 15.07.2025

Accepted: 23.02.2026

Published: 10.04.2026



Рис. 1. Погремушка. Таджики, узбеки. Самаркандская обл. Конец XIX в. РЭМ 8761-12721

Fig. 1. Rattle. Tajiks, Uzbeks. Samarkand Region. Late 19th century. REM 8761-12721



Рис. 2. Игрушка-арба. Узбеки. Узбекская ССР, г. Бухара. 1930-е гг. РЭМ 6772-126

Fig. 2. Cart toy. Uzbeks. Uzbek SSR, Bukhara. 1930s. REM 6772-126



Рис. 3. Мяч. Киргизы. Туркестанская АССР, Семиреченская обл., Нарынский уезд. 1920-е гг. РЭМ 8762-23194

Fig. 3. Ball. Kyrgyz. Turkestan ASSR, Semirechensk Region, Naryn District. 1920s. REM 8762-23194



Рис. 4. Кукла-младенец. Припамирские народы: рушанцы. Горно-Бадахшанская автономная область, Рушанский р-н. 1970–1976 гг. РЭМ 8750-358

Fig. 4. Baby doll. Pamir peoples: Rushans. Gorno-Badakhshan Autonomous Region, Rushansky District. 1970–1976. REM 8750-358

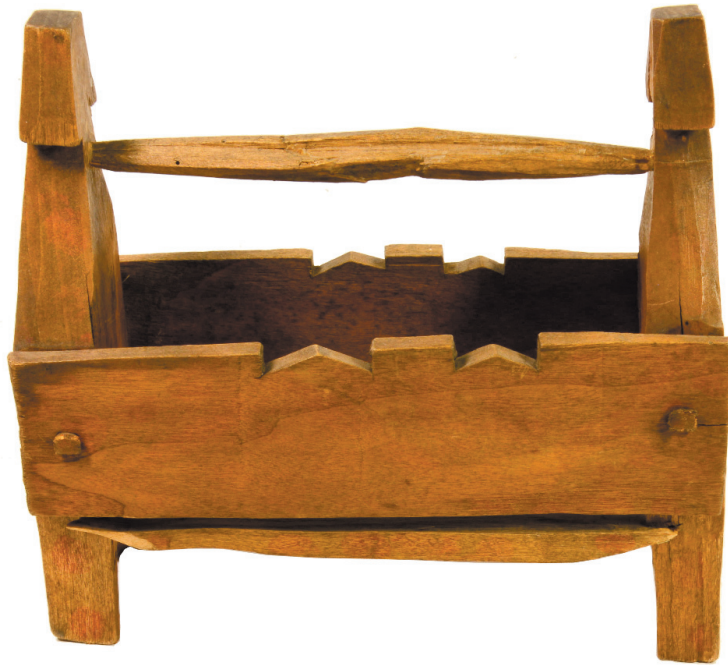


Рис. 5. Игрушка-колыбель. Таджики, узбеки. Самаркандская обл. Конец XIX в. РЭМ 239-76

Fig. 5. Cradle toy. Tajiks, Uzbeks. Samarkand Region. Late 19th century. REM 239-76



Рис. 6. Кукла. Уйгуры. Восточный Туркестан, Кугарский округ. Начало XX в. РЭМ 5275-53

Fig. 6. Doll. Uighurs. East Turkestan, Kugar District. Early 20th century. REM 5275-53